

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'373.2

Л.А. Захарова**АНТРОПОНИМЫ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОГОВ ТОМСКОГО РАЗРЯДА
XVII – НАЧАЛА XVIII В.:
ДИАЛЕКТНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ, СТРУКТУРА
Часть I**

Через антропонимы проанализирован диалектный и национальный состав жителей острогов Томского разряда XVII – начала XVIII в., представлена типология структурных моделей. Установлено, что большая часть говоров острогов Томского разряда этого периода являлась полидиалектной, а антропонимическая система находилась в стадии формирования.

Ключевые слова: *Томский разряд; антропонимы; структура; диалектная основа.*

Русские фамилии возникли несколько столетий назад. Они явились итогом длительного развития. До X в. восточные славяне использовали только личные имена, которые давались детям при рождении. После принятия христианства на Руси (X в.) каждый человек при крещении получал христианское (крестильное) имя, соответствующее именам святых, родившихся в этот день. Христианские имена пришли на Русь в основном из трех языков, на которых проповедовалось христианство: из греческого, латинского, древнееврейского, – и некоторых других, например из арабского, сирийского. В дополнение к официальному христианскому имени ребенку давалось еще одно, не христианское, а мирское имя, которое вскоре стало называться прозвищем. Вторым именем могло стать прозвище, данное не только родителями, но и соседями. Среди прозвищ больше всего было имен по профессии, месту жительства, внешнему виду, внутренним качествам и т.д. Впоследствии от этих многочисленных имен-прозвищ возникли соответствующие фамилии. Именование человека часто образовывалось путем добавления имени отца (патронима) к христианскому имени или ко второму имени [1. С. 5–6].

В XVI–XVII вв. многие люди фамилий еще не имели. С увеличением населения на Руси появилась необходимость в большой точности идентификации личности. Имя стало состоять из трех элементов, относившихся к трем поколениям: сыну, отцу и деду. Такой порядок с XV в. стал общепринятым [1. С. 9]. Постепенно один из двух патронимов становится постоянным наследственным именем, т.е. фамилией.

Однако сложение полного именованного русского человека происходило не в одно время в разных регионах страны. Изучение антропонимов каждого региона России, особенно в период становления антропонимической системы русского народа, актуально прежде всего потому, что оно сможет внести свой вклад в составление общего словаря антропонимов русского народа определенного периода (так как, несмотря на большой интерес исследователей к антропонимии, до сих пор нет полного русского исторического онома-

стикона), выявить типологию семантики производящих основ антропонимов разных регионов, установить диахронические изменения в системе антропонимов изучаемого региона, уточнить диалектную основу говоров отдельных регионов, которая до настоящего времени остается спорной.

Особенно это касается Сибири, ее вторичных старожильческих говоров. Освоение Сибири происходило в основном в XVI–XVII вв. Присоединение Сибири к Русскому государству началось с походов русских воевод и Ермака, в войска которых входили люди из разных регионов Европейской России. По мнению большинства историков Сибири, это были прежде всего выходцы из северной части Европейской России. Но наряду с этим общераспространенным мнением появляются и утверждения о том, что вопрос об истории заселения Сибири нельзя решать в целом, необходимо рассматривать его отдельно для каждого региона, для каждого острога в прошлом. Изучение антропонимов отдельных регионов Сибири помогает выявить национальный и диалектный состав первых поселенцев Сибири.

Многими исследователями осознаются трудности изучения семантики антропонимов. Проблема семантики антропонимов решалась и решается в отечественной лингвистике по-разному. Долгое время в науке существовало мнение об отсутствии значения у собственных имен. Считалось, что семантика нарицательного имени всегда связана с понятием. Собственные имена с понятием не связаны и потому не должны иметь лексического значения. В последние годы эта точка зрения пересмотрена – лексическое значение собственных имен также включает три компонента (денотат, сигнификат и структурный компонент), но каждый из них обладает своей спецификой: 1) денотатом служит один конкретный предмет; 2) в сигнификативный компонент лексического значения собственного имени входит не понятие, а образ или наше знание об этом предмете, отраженное в мышлении; 3) обобщение в семантику собственного имени вносит структурный компонент, зависящий от того блока лексической системы, в котором функционирует данное собственное имя [2].

На практике проблема семантики в ономастике сводится к проблеме этимологии онимического корня и онимических формантов (см.: [3. С. 6]). По этому принципу составлены все антропонимические словари. Происхождение фамилий устанавливается с помощью ряда словарей. При выявлении семантики апеллятива, легшего в основу фамильного прозвища, встречается немало трудностей, которые хотя бы частично могут быть разрешены с помощью анализа региональных антропонимов.

Наконец, имена собственные, в том числе и антропонимы, помимо лексического значения, в свое понятийное содержание включают также и культурологическую информацию, и поэтому, по словам М.Я. Морошкина [4. С. 6], антропонимы имеют значение не только как языковой материал, но и как памятник воззрений, понятий и народных представлений, выявление которых достаточно важно для каждой нации.

Цель настоящей статьи – на материале антропонимов выявить национальный и диалектный состав первых поселенцев острогов Томского разряда XVII – начала XVIII в. и представить сопоставительный анализ этих антропонимов в структурном аспекте (анализу подверглись антропонимы остро-

гов, входящих в состав Западной Сибири: Кетского, Кузнецкого, Нарымского и Томского).

Источниками исследования являются деловые документы острогов Томского разряда XVII – начала XVIII в. различных жанров: челобитные служилых людей, крестьян, изветы и сыски, наказы и наказные памяти воевод, отписки и грамоты воеводского управления, всевозможные официальные списки и книги (окладные, хлебные, приходные, расходные и др.), как неопубликованные, хранящиеся в фонде Сибирского приказа (фонд № 214) Российского государственного архива древних актов (г. Москва), в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, так и опубликованные в работах Г.Ф. Миллера, И.П. Кузнецова-Красноярского, П. Головачева, в Актах исторических, собранных и изданных археографической комиссией (СПб., 1842) и др.

Антропонимы первых поселенцев сибирских острогов Томского разряда XVII – начала XVIII в. являются хорошим материалом для получения сведений о национальном и диалектном составе населения этих острогов. Это положение убедительно доказано для Томского острога профессором Томского университета В.В. Палагиной [5]. При исследовании антропонимов XVII в. необходимо помнить, что многие антропонимы, образованные не от христианских имен, еще не полностью утратили дономастическое значение основ. Все антропонимы Томского острога XVII в. с точки зрения отражения диалектного состава можно объединить в несколько групп.

1. Антропонимы (в основном это прозвища), которые представляют собой собственно названия мест, откуда были родом предки первых поселенцев томских острогов или сами поселенцы: Вятка, Дунай, Колмогор (ср. с современ. Холмогоры)¹, Коломна, Коломна Старой, Кызыл, Мангазея, Москва, Пинега (река), Мезеня (ср. с современ. городом и рекой Мезень), Мезеня Старой, Мезеня Молодой и др. По приведенным антропонимам можно предположить, что их носители могли быть выходцами из севернорусских областей: Вятки, Колмогор, Пинеги и др.; с территорий, где располагались акающие среднерусские говоры: Москвы, Коломны, а также с территорий восточносибирских острогов: Мангазеи, Кызыла.

2. Антропонимы, образованные от топонимов с помощью суффиксов -ец (-нец): Астараханец, Астраханец Шилко, Балахонец (от Балахна), Верхотурец, Володимерец, Казанец, Кайгородец, Каргополец, Колмогорец, Коломынец, Мезенец, Нарымец, Поморец, Путимец, Тюменец, Усолец (современ. Пермская обл.), Устьянец (Устья – река на севере России, приток Северной Двины), Чердынец (современ. Пермская обл.), Шенкурец, Ярославец, Ядринец (Ядрин – город на границе современ. Горьковской обл. и Чувашской АССР). Приведенные антропонимы свидетельствуют о прибытии поселенцев из различных областей России: севернорусских (Каргополец, Поморец и др.), южнорусских (Астраханец, Путимец (г. Путивль на границе с Курской обл.) и др.) и среднерусских (Балахонец, Володимерец, Коломынец и др.).

3. Антропонимы, образованные от топонимов с помощью суффиксов -анин (-янин), -енин, -ятин, -етин, -итин: Важенин, Вилежанин (Вилеже-

¹ Названия топонимов приводятся в случае их наличия на современной карте.

нин) (ср. с современ. г. Велиж в Смоленской обл.), Вологжанин, Вычегжанин (Вычегженин), Вятченин, Вязьмитин, Двинянин, Пенежанин (Пенеженин), Пермитин, Свяженин (р. Свяга в Поволжье), Старичанин (Стариченин) (г. Старица современ. Калининской обл. на границе с Московской обл.), Тотьменин (г. Тотьма современ. Вологодской обл.), Туленин, Угличенин, Устюжанин (Устюженин), Сысолятин (р. Сысола в Коми АССР), Москвитин, Тверитин, Чебоксаретин и др. также отражают различные места выхода первых жителей острогов Томского разряда, но в основном это север России: (Важенин, Вычегжанин, Тотьметин, Устюженин и др.) и средняя полоса России: (Старичанин, Тверитин и др.).

4. Антропонимы, образованные от топонимов с помощью суффикса -ск-: Великосельской, Донской, Краснопольской (ср. с современ. г. Краснополье Могилевской обл.), Сургутской, Суходольской, Тарской, Тобольской (наложение суффиксов), Тюменской и др., – отражают в основном места выхода первопоселенцев г. Томска из сибирских городов и средней полосы России.

5. И наконец, антропонимы, образованные от топонимических основ с помощью суффиксов -ов (-ев), -ин. Это антропонимы, ставшие фамилиями в современном понимании. Таких антропонимов очень много, они также указывают на различные места выхода томских поселенцев: с севера и из Сибири (Байкалов, Вымятин, Верхотуров, Вяткин, Колмогоров, Кызылов, Мезенин – некоторые из них образованы от антропонимов на -ец, например: Нарымцов, Новгородцов, Тюменцов, Чердынцов и др.); из средней полосы России: Балахнин, Вязмин, Коломнин, Костромитинов, Москвин, Свяженинов и др.; из южной полосы России: Астраханцов, Мещеринов (географическая область Мещера в современ. Рязанской обл.), Путимцов; с Украины и из Польши: Галиченин, Галиченинов, Черкашенин, Черкашенинов и др. Приведенные антропонимы в основном указывают на места выхода первопоселенцев с севера и из средней полосы России.

6. Среди антропонимов, указывающих на национальный состав первого населения Томска, особо следует выделить антропонимы, обозначающие названия народов и племен: Корела, Корелин, Белорусец, Литвин, Литвинов, Гречанин, Гречанинов, Зырянин, Иноземец, Иноземцев, Немчин, Немчинов, Татарин, Татаринов, Якут, Якутской и др. Они указывают на присутствие среди первых поселенцев Томска не только русских людей, но и людей, входящих в состав других народов.

Подобных говорящих фамилий или прозвищ в деловом письме других острогов Томского разряда встречается гораздо меньше, например в Кузнецком остроге: Астраханцов, Везмитин, Волженин, Вологдин, Пермьяков, Пинежанин, Поморцев, Тюменцов, Умансков (г. Умань на Украине) и некоторые др.; в Нарымском остроге: Важенин, Вологжанин, Вычегжанин, Пермитин, Усолец и др.; в Кетском остроге: Вычегжанин, Донской, Монгулин, Мунголин и некоторые другие.

Но в отличие от антропонимов Томского острога, например, в Кузнецком остроге имеются другие антропонимы, которые сами по себе не указывают на места выхода первопоселенцев. Информацию о них можно получить от расширительных компонентов антропонимов типа «родом Костромского уезда», «родом белозерец», «родом из Чебоксар», «родом с Устюга», «родом

вологженин» и т.д. Расширительные компоненты антропонимов свидетельствуют о том, что первые жители Кузнецкого острога были выходцами из разных мест России. Так, из северной части Европейской России пришли следующие жители: из Новгорода десятник Алёшка Кирилов, атаман Корнило Петров; из Устюга Великого Микитка да Максимка Матвеевы дети Пойлова, Иван Авров, Алёшка Лутчего, Мишка Хворого, Иван Шестаков, Елизарко Корнилов, Микитка Нехорошево; из Колмогоров Фёдор Кузмин; из Белозерья (современ. Белое озеро, Вологодская обл.) Федька и Сидор Тихоновы, Якушко Борисов; с Пинеги Петр Дмитриев; из Сольвычегодска Володька Камбала, Микифор Шебалин; из Вологды Борис Сорокин; из Яренска Семён Осипов и др.

Другие первопоселенцы Кузнецкого острога, судя по расширительным компонентам антропонимов, прибыли из южной и юго-западной частей России: из Смоленска Самойло Ботвинка, Бориско Трапезников; из Запорожья Гривка Сидоров; с Дона Гришка Романов и др.

Расширительный компонент «с Москвы», «москвитин» указывает на выход первых поселенцев Кузнецкого острога из Москвы, т.е. из средней полосы России: Фёдор Петлин, Иван Сторожиллов, Афонька Брагинов, Микитка Лямка, Иван Большой да Иван Меньшой Ивановы дети Шестаковы и др.

Расширительные компоненты антропонимов некоторых жителей Кузнецкого острога указывают на их выход из других, более старых сибирских и уральских острогов: из Тюмени Тимошка Тюменцов, Савин Севергин; из Томска Иван Попугаев и др.

Расширительный компонент антропонимов 18 первопоселенцев Кузнецкого острога «черкашенин», по-видимому, указывает не столько на принадлежность к национальности «черкесы» (население Северного Кавказа), сколько на выход их из г. Черкассы, которым в XVI в. попеременно владели поляки и казаки, с 1795 г. Черкассы входят в состав Украины. Компонент «черкашенин» сопровождает следующие фамилии в деловом письме Кузнецкого острога: Евтифей да Иван Карповы, Андрюшка Александров Есмантов, Севка да Артюшка Тузовские, Ивашко Тихонов, Мартемьян Худолеев, Данилко Кузмин, Стенька Умансков, Семён Калачиков, Федька Веригин, Гришка Тузовской (позже Тузовсковы дети), Ивашко, Гришка Ивановы дети Бедаревы, Ивашко Черкашенинов, Илюшка Черкашенин и др. Все фамилии (или патронимы) этой группы внешне ничем не отличаются от русских фамилий. Лишь прозвище отца детей Бедаревых – Бедар позволяет отнести его к польскому имени *Bedar*, *Bednarz*, которое встречается у поляков с 1416 г. и сохраняется в составе польских фамилий вплоть до начала XVIII в. [6. С. 26]. Не свойственна русскому языку по фонетической огласовке и фамилия Есмантов.

Расширительные компоненты антропонимов «родом польских городов» и «родом шляхтич» указывают на польское происхождение носителей этих антропонимов: Михайло Готлесков – отец родом шляхтич, Степан Валишевской – шляхтич (в дальнейшем расширительные компоненты опускаются), Андрей Бурлаковской, Михайло Грошевской, Андрей Рыхлевской, Петр Буткеев, Марко Борков /ской) и некоторые др. Как правило, о точном числе поляков в сибирских острогах XVII в. по источникам судить трудно, потому

что большинство «иноземцев» имело или получало со временем русские имена или прозвища, а национальность их при антропониме указывалась не всегда. Мы можем привести несколько таких изменений, сопоставив списки жителей Кузнецкого острога 1680 и 1719 гг.: в 1680 г. Тузовской, в 1719 – Тузовсков; в 1680 г. Готлевсков, в 1719 – Годлевской, в 1680 г. Томашевской, в 1719 – Томашевсков, в 1680 г. Борков и Борковской и др. Поляки, как и другие представители «литвы» (так в XVII в. назывались, кроме поляков, белорусы, украинцы, литовцы и др.), были, как правило, людьми грамотными, опытными в военных делах, поэтому занимали в сибирских острогах ответственные военно-административные посты, ставили новые остроги, отправлялись во главе отрядов служилых людей для сбора ясака и охраны поданных русского царя от набегов киргизских феодалов [7. С. 62], многие из них хорошо знали татарский язык и потому выполняли обязанности толмачей.

Несколько антропонимов жителей Кузнецкого острога XVII в. в списках 1680 г. имеют расширительный компонент «из Крыма», «крымской породы», «родом крымских татар»: Иван Максимов (дед Савин – крымской породы), Мишка Вершина (отец родом крымских татар, взят в полон), Савинков (отец Савин Микитин из Крыма).

В Томском остроге у части жителей антропонимы имеют, с одной стороны, расширительные компоненты, указывающие на их польское, литовское, украинское либо белорусское происхождение (таких антропонимов в деловых документах Томского острога за 1666–1668 гг. нами обнаружено 20). Это «Осип Зинкеев Витебского воеводства, Ян Звянкин Гыродицкого повету, Ян Дудинской, Александр Отрошкеев, Василий Глазовской Оршанского повету, Андрей Обламской Бреского воеводства, Лаврин Якубовской Винорословского повету, Станислав Лопушинской Сердомирского воеводства, Ян Маркеев Волкомирского повету, Мартын Бортицкой Бреского воеводства, Иван Козловской Полоцкого воеводства, Максим Марков Каменского повету, Григорий Ябланской Мстиславского воеводства, Езоп Гроховской Бронского повету, Яков Петров Вилинского воеводства, Юрьи Бурмицкой Менского воеводства, Павел Городецкого Бранского повету, Казимер Явровин старовства Лютовского и Казимер Гурской Мозайвецкого воеводства». Доказательством их польского происхождения, с другой стороны, является их отнесение к списку «шляхты», которая послана с семьями на службу в Томск в эти годы и «шляхты из драгуны»: Степан Данилов сын Вершицкий, Михайло Станиславов сын Гуторов, Степан Петров сын Борковский, Станислав Иванов сын Карасев, Юрьи Семёнов сын Соболевский, Ондрей Якубов сын Козловский, Михайло Крештоновский, Иван Васильев сын Борковский, Казимер, а во крещении Петр Иванов сын Жуковский.

Остальные фамилии Томского острога взяты из «литовских» и «иноземных» списков: Засецкий, Савицкий, Хлыновский, Прозоровский, Скирневский, Долбовский, Столбовский, Хмелевский, Костелецкий, Рудковский и др.

Наконец, только по структуре фамилии (или фамильные прозвища), оканчивающиеся на -ский / -ской, -цкий / -цкой, из списка Томского острога за 1624 г. можно отнести к польским (или украинским, белорусским, литовским) следующие: Богдашко Терской, Ивашко Суховолской, Осташко Сваровской, Петрушка Старлавской, Лавренко Ожицкой, Васька Стремковской,

Ивашко Краснопольской, Адамко Зубрицкой, Петрушка Бруцкой, Ивашко Теплинской и некоторые др. Разграничить польские, украинские, белорусские и литовские фамилии более точно во многих случаях нелегко, а иногда и просто невозможно.

К сожалению, таких расширительных компонентов к антропонимам жителей Кетского и Нарымского острогов нами отмечено очень немного. В основном это антропонимы, взятые из списков «литвы». Для Кетского острога это: Матюшка Сосновской и Янко Шпаковской; для Нарымского острога: Луговской, Ставровский, Скрыневский и Никифор Долбовской.

На диалектный и национальный состав первого населения сибирских острогов Томского разряда могут указывать не только оттопонимические антропонимы и антропонимы с расширительными компонентами, но и антропонимы, в основе которых лежат диалектные слова. Таких антропонимов особенно много в томском деловом письме. Так, с севернорусскими диалектными словами связаны антропонимы: Аргун, Аргунов (аргун – плотник. Владим.), Бузунов (бузун – буян, драчун, задира. Вологод.), Глызун (глыза – глыба, ком. Сев., сиб.), Калига (калига – мокрый снег, слякоть; калига – брюква. Новгород., перм.; калиги – башмаки. Вологод.), Люшин (люша – грязный, замарашка. Вят., перм.), Паутов (паут – слепень, овод. Владим., вят., перм., сиб.), Согрин (согра – болотистое место или тайга. Арханг., вологод., перм., сиб.), Шадра, Шадрин (шадра – оспа. Арханг.; шадра – рябой. вологод.) и др.

С южнорусскими диалектными словами связаны антропонимы: Байдан (байдать – бить баклуши, слоняться, шататься. Курск.), Бунин (бунить – гудеть, издавать рев. Тамб.; буня – спесивый человек, гордец. Ряз., тамб.), Кобяк (кобякнуть – ударить, грохнуть, уронить. Ряз., тамб.), Жмень (жменя – горсть. Ворон., смол.), Лагода (лагодить – делать руками, излаживать. Юж.), Шиба, Шибаев (шибай – барыжник. Ворон., курск.; шибать – бить, бросать. Дон., калуж., курск.) и др. Такие антропонимы, в основе которых лежат как севернорусские, так и южнорусские диалектные слова, могут свидетельствовать только об одном: о полидиалектном составе первых русских поселенцев Томского острога, на что в свое время указывала профессор В.В. Палагина в ряде работ [5, 8–10].

К сожалению, в остальных острогах Томского разряда XVII в. не так много антропонимов, восходящих в своей основе к диалектным словам. Так, для Кузнецкого острога из неполных 400 антропонимов (переписная книга за 1719 г.) лишь несколько фамилий имеют в основе слова севернорусских, иногда среднерусских диалектов. Это – Пешников (пешник – железный лом с трубкою, в который вставляется деревянная рукоять. Пск. Здесь и далее в примерах [11]); Кулебакин (кулебака – булка, калач, пшеничный хлеб, который зовут и пирогом. Вят.); Бызов (быза – презрительн. или насмешлив. хвост; женская коса. Вят.; бызы – лесь, поддакиванье. Каз.); Пестерев (пéстерь и пестёрь – высокая большая корзина, плетеная или шитая, берестяная, лубочная для коски сена и мелкого корма скоту. Сев. и вост. (ср. с вершининским говором Томской обл., где пестерь – робкий, глуповатый человек.); Шангин (шáньга и шаньгá – род ватрушки. Сев., вост., сиб.).

О выходе первых жителей Кузнецка из южнорусских территорий говорят следующие антропонимы: Ащеулов (ащеулить – зубоскалить, дурачить, насмехаться. Ряз., Тул.); Шебалин (шабала, шебала – лохмотья. Ряз., тамб.).

В Кетском и Нарымском острогах, в которых в течение XVII в. проживало по 30 служилых людей и по 30 пашенных крестьян, таких антропонимов еще меньше. Для Нарымского острога это Залогин (залог – заклад, пари. Арханг.; впадина, низменность с видимыми окраинами. Арханг.); Костарев (костарь – искусный игрок в бабки. Арханг.); Батуриин (батуричь – упрямитесь, ломаться. Ряз.; батюра – упрямец, непослушный. Ряз., вологод.); Скрыневский (скрыня – сундук, коробка, ларец. Сар.). Для Кетского острога – Бутров (бутро – толстое брюхо, пузо. Каз.); Батожков (батог – тросточка, посох, хворостина. Сиб., новгор., перм.; бич, плеть, кнут для погонки волов. Юж.).

Итак, подводя итоги первой части статьи, можно сказать, что проанализированные антропонимы острогов Томского разряда XVII – начала XVIII в. оказались информативными источниками сведений о диалектном и национальном составе населения этих острогов. Они подтверждают данные из истории заселения этих острогов и языкового анализа их письменных памятников (см.: [12–14]): большая часть говоров населения первых томских острогов полидиалектна, а первые жители этих острогов пришли туда в основном из северных и среднерусских территорий европейской части России. Выходцы из южных областей России, а также представители других наций, кроме русских, представлены в разных острогах анализируемого разряда поразному. Рассмотренные антропонимы позволяют сказать, что одним из важнейших фрагментов языковой картины мира прошлого является национальный и диалектный состав жителей изучаемого нами региона. Анализ антропонимов с позиции этнолингвистики в исторической антропонимике выявляет национально-культурный компонент значения собственного имени (в нашем случае – фамилии или фамильные прозвания) и выводит на уровень основных концептов русской культуры – в рассмотренных нами антропонимах нашел выражение концепт «свой – чужой».

Что касается второй цели статьи, то в деловом письме томских острогов представлено несколько антропонимических моделей именованья русского населения.

I. В основном это двучленные модели, состоящие из имени (чаще христианского (X), редко русского (P)) и патронима (отчества на -ов, -ин), или фамилии (от христианского имени (x) или от нехристианского, русского имени (p)).

1. Модель X + x, где христианское имя стоит в официальной полной форме, во всех четырех острогах представлена немногочисленными примерами: Алексей Андреев, Илья Осипов, Григорий Елизаров и др. Намного чаще указанная модель зафиксирована во всех четырех острогах в виде ее разновидности, где христианское имя стоит в неофициальной форме: Афонька Алексеев, Якушко Григорьев, Лёвка Устинов и многие другие.

2. Модель X + p, где христианское имя чаще всего в неофициальной форме стоит рядом с патронимом или фамилией, образованной от русского отпрзвищного апеллятивного имени: Андрюшка Барышев (барыш – при-

быль), Сергушка Бобылев (бобыль – бедный, безземельный крестьянин [15. С. 38]), Афонасей Батажков (батог, батожок – палка, дубинка [16. Т. 1. С. 134]) и др. Многие русские фамилии жителей острогов Томского разряда XVII в. образованы от древнерусских мирских имен и от прозвищ по роду деятельности: Васька Воинов, Артюшка Колесников, Бориска Колпашников, Савко Коновалов и др.

3. Модель $X + P$ представлена в основном в деловом письме Томского, Кузнецкого и Кетского острогов: Исачко Бык, Никонко Волк, Ивашка Комар, Гриша Морж, Ивашка Нос, Ивашко Лебедь, Семейка Коза, Томилко Колобок, Василий Хохол и др. Намного реже прозвище выражается именем прилагательным, обозначающим признак, качество характера человека: Васка Бешеной, Богдашко Вострой, Иван Зубатый, Гришка Дурной, Гришка Зяблой и др., либо прилагательным, образованным от топонимов, например: Лука Донской, Пятко Тарской. В Нарымском остроге XVII в. такая модель отсутствует. В Кузнецком остроге в этой модели второй компонент может быть либо нерусским (часто тюркским) наименованием, либо производным от заимствования, но оформленным по русской словообразовательной модели: Иван Байдай, Олёшка Куртук, Григорей Арыков и др.

4. Модель $P + p$: Владимир Молчанов, Постник Бельский, где фамилия Бельский не столько русская, сколько украинская [17. С. 236], образована от географического названия тюркского происхождения [15. С. 116]. Такая модель с русскими (славянскими) именами и фамилиями в каждом остроге встречается в виде единичных примеров.

5. Модель $X + P'$, где P' – фамилия (патроним), образованная от прилагательного в род. п.: Гарасим Дурново (Кетск), Мишка Хворого, Алёшка Лутчего, Микитка Нехорошево (Кузнецк), Сенка Долгово (Томск), является единичной и совершенно отсутствует в Нарымском остроге.

6. Модель $P + x$ представлена в основном в Томском, Кузнецком и Нарымском острогах, например: Первушка Васильев, Поспелко Иванов, Нехорошко Исаков, Болотко Климентьев, Дружинка и Нехорошко Матвеев, Гривка Сидоров, Шестачко Яковлев, Гуляйко Савин, Заметенка Захаров и др. В Кетском остроге такая модель представлена единичным примером: Ушак Петров.

Двуязычные модели именования людей в острогах Томского разряда XVII – начала XVIII в. были свойственны не только людям низшего сословия, но и представителям более высоких сословий, например: Логин Доможиров, Григорий Засецкий, Данилка Хрущов, Ивашка Монастырев, Стенка Лутовинин (воеводы), казачья голова Молчан Лавров. Такие именования были засвидетельствованы в основном в жанре челобитных и отписок.

II. В разных регионах Томского разряда в разные годы появляются трёхязычные модели.

1. Наиболее типичной моделью для трех острогов была модель $X + x + p$, например: Васька Андреев Барышев, Оська Григорьев Коновалов, Ивашко Терентьев Барышев, Васка Федотов Волков, Петрушка Гарасимов Жуков и др. (Кетск); Ивашка Васильев Бутин, Гаврилко Иванов Гусев и др. (Кузнецк); Тимофей Омелянов Смольянин, Нестерко Лукьянов Устюженин, Алешка Омелянов Саламатов и др. (Томск). Лишь в Нарымском остроге такая мо-

дель нами не зафиксирована. К этой же модели мы отнесли и антропонимы, в которых третий член является фамилией, или прозвищем по географическому названию (см. вышеприведенные Смольянин, Новгородец и многие другие, например: Ивашко Трифонов Вычегжанин, Андрюшка Анисимов Тверитин, Федка Максимов Москвитин, Федка Кузмин Новгородцев, Илейка Иванов Литвин и др.).

2. Модель $X + x + P$ является наиболее типичной для жителей двух острогов – Томского и Кетского: Федька Михайлов Глухой, Ивашко Кирилов Комар, Ивашка Аристов Сапожник, Гришка Терентьев Пирог, Сергушка Григорьев Бабыль и др. (Кетск); Якушко Микитин Плотник, Федотоко Михайлов Моклок (мосол, выдавшаяся от худобы кость [11]), Васка Олферов Башмак, Ивашко Онцыферов Ситник, Нестерко Лукьянов Петух, Петрушка Ларивонов Серебреник, Ивашко Козмин Сапожник, Андрюшка Митрофанов Мыльник, Ивашко Савельев Нос, Левка Ильин Ус и многие другие (Томск). В документах Нарымского острога отмечен единичный пример, где второй компонент собственного имени стоит в род. п. мн. ч., а третий является топонимическим наименованием: Ганка Дмитриевых Пермитин.

3. Модель $X + O + p$, где второй компонент антропонима – отчество в современном понимании: Данила Иванович Полтев, Федор Васильевич Барыкин, Иван Васильевич Бутурлин, Василей Матвеевич Трегубов, Данила Иванович Хрущов (воеводы), «боярина князя Костянтина Осиповича Щербатова» (ст. 915, л. 31), Иван Федорович Волконский (воевода, князь) и некоторые другие.

Как видно из примеров, подобная модель с отчеством на -ович / -евич во всех указанных острогах присуща только высоким должностным лицам (воеводам, боярам, стряпчим и др.).

4. Разновидностью трехчленной модели является модель со словом «сын», которое входит во второй компонент антропонима [17. С. 15], $X + x + \text{сын} + p$ (P): Микифор Михайлов сын Батажков, Куземка Сергеев сын Голящихин, Бориско Федоров сын Колпашников, Семен Григорьев сын Куликов, Григорий Иванов сын Бормотов, Василий Федоров сын Бархатов и др.; Ивашка Семенов сын Колесник, Федька Михайлов сын Глухой, Ивашка Аристов сын Сапожник, Микитка Иванов сын Кривой, Тренька Яковлев сын Плотник и др.

В списках Томского и Нарымского острогов нами отмечена особая трехчленная модель, где третий компонент (второй патроним, или фамилия) является именем существительным или прилагательным в род. п. ед. или мн. числа; Федька Третьяков сын Деева, Данилка Петров сын Жавново; в Томском остроге третий компонент выглядит следующим образом: Вострово, Высоких штей, Быстрово, Великосельсково, Пестрядинного, Чернавского и др.

III. Четырехкомпонентные модели со словом «прозвище» отмечены нами в памятниках Томского, Нарымского и Кетского острогов как единичные: Федька Дмитриев прозвище Бык, Ивашка Васильев прозвище Пырла, Гришка Федоров прозвище Кошка, Ивашко Володимерец прозвище Новограбленной.

Женские антропонимы в официальных документах Томского разряда XVII в. представлены единичными примерами. Это либо одно имя: проскурня Каптелиница с суффиксом -иц, либо модель X + x: проскурня Палашка Яковлева, проскурня Ненилка Федорова.

Что касается отдельных компонентов антропонимических моделей, то рассмотренные антропонимы (в частности, второй патроним, или фамилия), позволяют предположить, что антропонимическая система острогов Томского разряда в XVII в. еще не сформировалась. Об этом можно судить по следующим фактам: 1. Один и тот же человек может именоваться как с помощью фамилии, так и с помощью фамильного прозвания, так, в деловом письме Томского острога у одного и того же человека находим разные наименования: Бардак и Бардаков, Безсонко и Безсонов, Берёза и Берёзкин, Бобр и Бобровский, Бык и Быков и др. 2. Один и тот же человек в разных документах мог именоваться по-разному, например: Тимошка Агапитов = Тимошка Агапитов сын Портняга = Тимошка Портняга; Игнашко Олексеев = Игнашка Алексеев Петлин = Игнашка Петлин и др. 3. Фамилии родственников могут оформляться с помощью разных суффиксов, например: Борков и Борковский, Воронин и Воронов, Кобылин – Кобыльский – Кобыляков и др. Неустойчивость фамильных именовании отмечается также в Зауралье [18. С. 91], в отличие, например, от вологодских фамилий, которые имеют «сложившуюся морфологическую структуру и являются уже устойчивыми компонентами имени, выполняя функцию родового именовании» [19. С. 55], хотя такое заключение И.Н. Попова делает относительно вологодских фамилий начала XVIII в. 4. О несформировавшейся антропонимической системе в острогах Томского разряда говорит и следующий факт: в отличие от фамилий Томского, Кетского и Нарымского острогов в документах Кузнецкого острога фамилии жителей, вероятнее всего, выступают в двух вариантах: а) в качестве первого патронима, обозначающего принадлежность человека отцу. Об этом говорят следующие примеры (1680 г.): Осип Ананьин... отец Ананья родом Костромского уезда; Якушко Борисов... дед Дементей белозерец... отец Борис; десятник Ивашко Тихонов – отец Тихон Федоров, родом черкашенин, Гаврилка Григорьев, конный казак – отец Григорий служил в Кузнецке и др. Приведенные примеры говорят о том, что сложный процесс формирования фамилий на основе патронимов в разных регионах России проходил в разное время. Часть жителей Кузнецкого острога по какой-то причине еще в XVII в. имела в качестве дифференцирующего признака только имя и указание на принадлежность отцу; б) тогда как в других регионах России, в том числе в Томском, Кетском и Нарымском острогах, процесс формирования фамилий закончился значительно раньше, вторые патронимы к этому времени (XVII в.) постепенно превратились в фамилию и закрепились за членами семьи, переходя из поколения в поколение. Об этом свидетельствуют другие примеры, зафиксированные нами в тех же кузнецких памятниках: Афонька Брагинов... отец Василий Брагинов на Москве был в стрельцах, Микитка Петлин... отец Иван Петлин и др.

Итак, проанализированные нами источники позволяют считать, что в XVII – начале XVIII в. антропонимическая система жителей Томского разряда находилась в стадии формирования. Это подтверждает наличие в ней

вариативных наименований всех возможных в XVII в. структурных моделей от двухкомпонентных до четырехкомпонентных, включая трехкомпонентную модель с компонентом, соответствующим современному отчеству. Последняя модель была типичной только для представителей высшего сословного класса. Для остальных жителей наиболее типичной была двухчленная модель из имени и фамилии, или патронима, так называемая неполная форма именования человека. Она могла появиться в документах анализируемого района как под влиянием единого образца московских приказов, так и под влиянием антропонимической системы населения, входящего в состав так называемой «литвы», составляющей, по наблюдениям историков, до 20% в разные годы.

Список сокращений

арханг. – архангельский	перм. – пермский
владим. – владимирский	пск. – псковский
вологод. – вологодский	ряз. – рязанский
ворон – воронежский	сар. – саратовский
вост. – восточный	сев. – северный
вят. – вятский	сиб. – сибирский
дон. – донской	смол. – смоленский
каз. – казанский	тамб. – тамбовский
калуж. – калужский	тул. – тульский
курск. – курский	юж. – южный
новгор. – новгородский	

Литература

1. *Цымбалова Л.Н.* Тайны происхождения наших фамилий. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 473 с.
2. *Воробьева И.А.* Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.
3. *Чайкина Ю.И.* Вологодские фамилии: Словарь. Вологда: Русь, 1995.
4. *Морошкин М.Я.* Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
5. *Палагина В.В.* Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1973. 421 с.
6. *Rymut Kazimierz.* Nazwiska polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. Krakow, 1999. Т. 1. 504 с.
7. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 1992.
8. *Палагина В.В.* Диалектный состав первых жителей Томска // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971. С. 98–105.
9. *Палагина В.В.* Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII в. // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972. С. 150–159.
10. *Палагина В.В.* Русские антропонимы XVII в. как источник информации о диалектном составе населения // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980.
12. *Захарова Л.А.* О диалектной основе сибирских говоров XVII – начала XVIII в. // Актуальные проблемы русистики: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Томской диалектологической школы и 125-летию Томского госуниверситета, Томск, 21–23 октября 2003 г. Вып. 2, ч. 1. Томск, 2003. С. 122–128.
13. *Чигрик Г.М.* О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка XVII в. // Русские говоры в Сибири: Межвуз. сб. Томск, 1979. С. 89–95.

14. *Любимова О.А.* Из наблюдений над русскими антропонимами XVII – начала XVIII в.: (К проблеме происхождения старожильческих говоров Кузбасса) // *Говоры русского населения Сибири.* Томск, 1983. С. 121–127.
15. *Федосюк Ю.* Русские фамилии. М., 1981. 239 с.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
17. *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989.
18. *Парфёнова Н.Н.* Русские фамилии Зауралья XVII–XVIII в. // *Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы.* Красноярск, 1993. С. 90–92.
19. *Попова И.Н.* Фамилии Вологды начала XVIII в. // *История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси.* Вологда, 2002. С. 53–69.